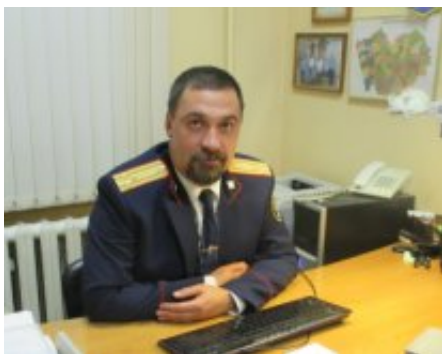

Интервью следователя первого отдела по расследованию особо важных дел Антона Рурича, опубликованное в газете "Аргументы и факты" в связи с Днем сотрудника органов следствия Российской Федерации

«Следователю без ясной головы никак»

Когда-то гость нашего сегодняшнего номера отмечал День работника прокуратуры, теперь же – День сотрудника органов следствия Российской Федерации. Ведомства разные, а профессия – та же: следователь. Уже 18 лет.

Для непосвящённых: следователей с таким стажем нужно искать днём с огнём, и то очень немного найдёшь. «Наш» - **полковник юстиции Антон РУРИЧ** – работает в первом отделе по расследованию особо важных дел следственного управления СКР по Алтайскому краю.

- Антон Иванович, в сентябре исполнится 10 лет со времени создания Следственного комитета при прокуратуре РФ, а как самостоятельное ведомство Следком родился тремя годами позже. У вас в это время не было соблазна остаться в стенах прокуратуры, сменив профиль деятельности?

- Ни малейшего. Я не то не помню, не то и не знал никогда, что именно в своё время побудило поступать на юридический факультет – знаю лишь, что это не «наследственное». Отец у меня

пролетал всю жизнь, лётчик-истребитель 1 класса, мама работала в сфере образования, заведующей детского сада относительно недавно вышла на пенсию. Но я точно помню, что уже на первом курсе университета меня «зацепило» уголовное право и, собственно, судьба моя была решена (*улыбается*). Диплом я защищал уже будучи следователем в прокуратуре Заринска. И когда десять лет назад в прокуратуре произошли преобразования, я не метался: куда следствие – туда я.

- И, видимо, вам интересен сам процесс расследования, если вы некоторое время проработав в должности руководителя Новоалтайского межрайонного следственного отдела, предпочли вернуться, что называется, «на землю»...

- Да, руководящая деятельность меня не вдохновила. Мне комфортней, когда я отвечаю только за свою работу, качество которой по большому счёту зависит только от меня. И мне действительно интересней «живое» расследование, в котором есть и некий соревновательный момент, который заключается в том, что тебе нужно «передумать» подозреваемого-обвиняемого. В этом есть профессиональный азарт – обыграть противника.

- Звучит так, будто преступники – очень умные люди...

- Коллеги, занимающиеся экономическими преступлениями, наверняка вам про таких могут рассказать. У меня профиль попроще - общеуголовный. И, действительно, чтобы убить человека, совершить серию разбойных нападений или промышлять вымогательством, не надо быть семи пядей во лбу. Но видите ли, в чём дело... Даже при казалось бы очевидном бытовом преступлении улики могут быть не очевидны. Сидеть-то не хочет никто. Поэтому попытки скрыть следы преступления - сплошь и рядом, и при всей однозначности ситуации доказать вину подозреваемого бывает очень сложно. Вот, к примеру, однажды в Затоне обнаружили два трупа с признаками насильственной смерти. Подозреваемый, приходившийся племянником одному из убитых, утверждал, что кульминации событий не помнит. Припоминает, что родственник со своим знакомым на него вроде бы стали нападать, а дальше – пустота, и свидетелей нет. Понятно, что намеревается выйти на превышение необходимой обороны - это и статья, и срок другой. И тут, чтобы установить объективную картину преступления, ой как думать нужно: что, как, почему?

А когда подозреваемые начинают хитрить, увиливать, адвокаты им дельные советы дают – слово «передумать» очень подходит.

- Антон Иванович, вот вы сказали про личную ответственность за качество работы. Но ведь это качество зависит и от оперативного сопровождения- следовательно ведь не один по делу работает?

-Безусловно. Оперативное сопровождение – очень существенный фактор в раскрытии преступления независимо от его категории. От того, как сработают оперативники, многое зависит, и с ними обязательно нужно выстраивать конструктивные отношения. Не считаю правильным командный тон: я, мол, процессуальное лицо и «всем молчать!», советоваться с операми мне не зазорно. И, замечу, и процессуальное лицо может «напортачить». Вот опера свидетелей нашли, разговорили подозреваемого, но если следователь что-то оформит, задокументирует неправильно, то всему этому грош цена, всё это вылетит как доказательства... Раскрытие преступления – это совокупный труд.

- В вашей практике случались нераскрытые преступления, оправдательные приговоры по вашим делам?

- (вздыхает) Да куда ж без нераскрытых...Вообще не припомню ни одного следователя со стопроцентной результативностью. Крайне досадно бывает, когда объективно знаешь, что это преступление совершил этот человек, а доказательств не достаточно. У нас, к примеру, со свидетелями бывают проблемы: «ничего не видел, ничего не слышал, ничего никому не скажу».

А оправдательных приговоров по расследованным мною делам при профессиональных судьях не было никогда, а при суде присяжных два, по-моему, было. Но присяжные заседатели – обычные люди, они порой руководствуются эмоциями.

- К слову об эмоциях. Вам приходится себя сдерживать в общении с обвиняемыми? Иногда даже читаешь сюжет уголовного дела- и руки непроизвольно начинают «чесаться», а вам же с ними контактировать приходится.

- Многие наши фигуранты –малоприятные личности. И, согласитесь, человек, который по пьяни сдуру рубанул знакомого, и человек, который долго умышленно издевался над другим человеком, - не одно и то же. Вот у меня в производстве было дело по организованной преступной группе, которая вовлекла в занятие проституцией нескольких женщин, в том числе и несовершеннолетнюю. Не все «бабочки» были добровольцами, там речь шла и о принуждении, причём с применением силы. И на иглу некоторых из них посадили. Однажды одна женщина сбежала домой в село, её нашли, буквально вытащили из дома, опять привезли в Барнаул, били, тушили об неё сигареты...Заправлял всем этим безобразием неоднократно

судимый человек, крайне жестокий, в итоге получивший более 10 лет строгого режима. Естественно, по-человечески он не вызывал во мне никаких эмоций, кроме негативных. Но следователь не имеет право их проявлять!

Он в первую очередь должен думать о раскрытии дела, а эмоциональное некорректное отношение к фигурантам этому может помешать. И уж точно никакого контакта с подследственным при таком раскладе установить не удастся. Всегда говорю: сила действия равна силе противодействия.

Так что, переходить на личности – непрофессионально.

- В вашем «портфолио» я обратила внимание на одно давнишнее дело в отношении гражданина без определённого места жительства, совершившего два убийства на территории Казахстана. К вам-то оно как попало?

- Там, насколько мне помнится, ещё и разбойное нападение было. Вот этого гражданина Семёнова однажды – в 2011 году – задержали на территории края с поддельным паспортом на имя другого человека. Полиция возбудила дело по статье «использование заведомо подложного документа», после чего выяснилось, что этот товарищ с незапамятных времён находится в розыске. Он подозревался как раз в убийствах в Казахстане в конце 90 - х годов: сначала с двумя подельниками задушил и ограбил местную предпринимательницу, потом убил и одного из подельников, опасаясь, что тот может «сдать».

Поскольку Семёнов формально был прописан в Ханты-Мансийском автономном округе, «казахское» дело оказалось там и долгое время лежало в архиве. А поскольку гражданина у нас задержали, то и дело нам прислали, и пришлось его «раскручивать». Многие вещдоки уже были утеряны, и свидетели не все живы за давностью лет, и сам подозреваемый успел много где покататься – для сбора доказательной базы пришлось выезжать и в соседнюю республику, и в Челябинск, и в Сургут, и в Нефтеюганск. Но в отделах по расследованию особо важных дел командировки – обычное дело.

Семёнова, добавлю, приговорили в 15 годам лишения свободы.

- А у «важняков» сколько дел одновременно может быть в производстве?

- Очень по-разному. Я лично на протяжении последних месяцев вместе с несколькими коллегами расследовал одно - единственное дело, вот только окончательное обвинение подготовил. Это дело - в отношении организованной группы, промышлявшей

вымогательством денежных средств и автомобилей у жителей Алейска. Там одиннадцать фигурантов, десять из них - под стражей, в деле 73 тома. Обременять меня в это время ещё каким-нибудь расследованием было бы по крайней мере негуманно (смеётся). Но вообще одно дело в работе- это большая редкость, особенно для следователей районного звена.

- У вас, кроме службы, есть какие-то интересы?

-Интересы-то есть, времени нет. Я как-то по состоянию здоровья выпал из рабочего процесса, так макеты самолетов собирал – это очень увлекательно. Только это было давно. И честно скажу, сейчас в свободное время между хобби и сном я предпочту выспаться.

- Извините, у вас супруга есть? Интересно, как она к вашей преданности работе относится.

- Моя супруга – подполковник юстиции, в соседнем кабинете работает. Так что у нас полное взаимопонимание.

- Насколько я понимаю, у вас уже есть необходимая выслуга, вы можете со спокойной душой выйти на пенсию...

- Могу, но не спокойной душой. Поэтому я ещё поработаю –пока ноги носят. Нет, не так скажу – пока ещё голова ясная. Ноги, надеюсь, меня ещё долго носить будут, а вот без ясной головы следователю никак нельзя.

Беседовала Светлана ЛЫРЧИКОВА

Досье

Антон Рурич – уроженец Барнаула, окончил 22 школу и АлтГУ.

Неоднократно поощрялся руководством регионального следственного управления и Следственного комитета. В частности, имеет медаль «За заслуги», медали «За безупречную службу» III и II степеней; в 2016 году за высокий профессионализм и преданность профессии награждён медалью «За верность служебному долгу».

26 Июля 2017

Адрес страницы: <https://altai-krai.sledcom.ru/folder/878520/item/1152894/folder/873343>